

ГЛАВА 1

8 июня 1944 года

В квадрате 22—16 о войне ничто не напоминало. Солнце жарило в зените, что-то вкрадчиво нашептывал ветерок. Стрижи в лазоревом небе выделяли фигуры высшего пилотажа. Молодой осинник плавно перетекал в березняк.

Светлый околок разделяла проселочная дорога. Она выбегала на опушку, змеилась вдоль редкого леса и вновь пропадала за деревьями. На пеньке сидела белка с пушистым хвостом, держала в лапках сухой сморчок. Внезапно наострилась, замерла, забегали бусинки глаз. Из леса донесся неясный гул.

Мирную идиллию нарушила колонна армейской техники, выезжающая из леса. Возглавляла ее бывалая полуторка с отделением автоматчиков. Покачивались головы в стальных шлемах. За грузовиком шел «ГАЗ-61» — с усиленной решеткой радиатора и внушительным дорожным просветом. В машине помимо водителя сидели двое.

Замыкал колонну «ГАЗ-64» с вырезами в боковинах кузова. Машиной управлял молодцеватый лейтенант в заломленной на затылок пилотке. Рядом с ним сидел скуластый русоволосый майор. Он внимательно наблюдал за меняющейся обстановкой. Сзади развалился капитан лет тридцати пяти — в очках, с удлиненным постным лицом. Он снял фуражку, и луч солнца коснулся глубоких залысин, взбирающихся на макушку. Офицер потел, то и дело вытирал голову платком. Полдень бил все рекорды: лето едва началось, а уже превращалось в пекло.

Машины переползли ухабы. За спиной осталось расположение артиллерийского полка. Часть дислоцировалась на западной опушке протяженного осинника. Маскировкой генерал-майор Серов остался доволен. Гаубицы и 76-мм орудия зарывали в землю, маскировали ветками и дерном, личный состав перемещался по узким траншеям, с воздуха ничего не было видно. Немецкие самолеты-разведчики появлялись в небе почти каждый день.

Охранение тоже выставили грамотно — разрушителю пришлось бы пересечь три полосы защиты. Перемещения людей и техники производились только ночью. Прифронтная полоса скрытно уплотнялась войсками. Подразделения рассредоточивались в складках мест-

ности — в двух-трех километрах от переднего края.

В мае замедлилось наступление на Украине, войска закреплялись на занятых рубежах. В Ставке приняли решение сменить направление главного удара. Наступление готовилось в Белоруссии. Ставилась задача: добиться максимальной внезапности. Подготовка держалась в строгой тайне. В эфире — режим радиомолчания. Телефонные переговоры запрещались даже в закодированном виде. Все приказы отдавались лично. На передовой активно велись земляные работы — создавалась видимость подготовки к обороне. Минные поля не снимали, удаляли лишь взрыватели с мин. Противнику внушалось, что удар будет нанесен в районе украинского Ковеля — с направлением на северо-запад, а далекая Белоруссия тут вообще ни при чем...

На 15-километровом участке, между населенными пунктами Грезинка и Мозлов, позиции занимал механизированный корпус генерал-майора Серова. Объединение полностью укомплектованное, плюс приданный танковый полк и три стрелковых батальона. В штате корпуса — три механизированные и одна танковая бригады, дивизион реактивной артиллерии, минометный полк, зенитные части, артиллерия, полк самоходных артиллерийских

установок, истребительно-танковый полк, части обеспечения и обслуживания. Вся эта армада находилась в ближнем тылу, а на переднем крае — лишь несколько батальонов, занятых земляными работами. До наступления оставалось чуть больше недели...

В упомянутом квадрате советских войск не было. Досадный, но вынужденный пробел. К западу — низина с топями, на востоке, до райцентра Старополоцк, где дислоцировался штаб корпуса, — поля с перелесками, в которых трудно замаскировать даже роту. К северу, за пересохшей речушкой, снова чаща, там стояли подразделения 4-й отдельной механизированной бригады. Туда и вела проселочная дорога.

Колонна пересекла поляну, дребезжащий мостик над высохшей речушкой. Слева простирался хвойно-осиновый лес, справа — поляны, островки кустарника, за ними — светлый лиственный. Инспекционная поездка командира корпуса была в разгаре. Подобные проверки проводились неоднократно, но сегодня он выехал лично, взяв с собой лишь начальника топографического отдела и офицеров контрразведки.

Последние сидели в замыкающей машине. Двигатель работал, как сердце больного аритмией — мерно гудел, потом начинал подраги-

вать, слышались перебои. Чертыхался молодеватый водитель с погонами лейтенанта.

Кузов задрожал, из капота потянулся дымок. Кашлянул майор Кольцов, с интересом посмотрел на лейтенанта Левицкого, управляющего машиной.

— А что сразу я, товарищ майор? — обиделся лейтенант. — Я вам что, механик с довоенным стажем? Что было, то и дали. Этой телеге в обед сто лет. Донашиваем после пехоты. Новые 67-е и штатовские «виллисы» нам не выделяют, хотя обязаны, учитывая специфику нашей работы...

Двигатель проявлял признаки тяжелого недомогания. Машина дернулась и встала.

— Знаете, товарищ лейтенант, — вкрадчиво сказал Кольцов, — мы — мирные люди, но я не знаю, что сейчас будет, если твоя керосинка не заведется! — ему пришлось повысить голос.

Левицкий лихорадочно мучил стартер. «Старая шарманка» визжала, кашляла, потом случилось чудо: двигатель затарахтел, сцепилось, что надо, в коробке передач, и транспортное средство поехало. Левицкий поддал газу, чтобы догнать «эмку», победно глянул на командира.

— Вот так-то лучше, — проворчал Кольцов и обернулся. На заднем сиденье молчали.

Очень странно. Для острого на язык капитана Карагана это было не характерно. Капитан в данную минуту был занят. Он привстал с сиденья и пристально рассматривал удаляющийся лес. Потом сел на место, подтянул к себе «ППШ» и встретился взглядом с командиром. Постная физиономия Карагана выражала задумчивость.

— Что случилось? — осторожно спросил Кольцов.

— Не знаю, — отозвался Караган, — не по себе как-то стало. Словно кикимора болотная на меня глянула. Почудилось, наверное.

— Болота дальше, — со знанием дела заметил Левицкий. — Здесь обычный лес.

— Значит, леший на меня тарасился, — огрызнулся Караган, — бабайка, анчутка, берендей с Бабой-ягой — кто там еще в наших лесах обитает...

— Кто такой анчутка? — озадачился Левицкий. — Про остальных, кажется, слышал...

— Злой дух, — объяснил Кольцов. — Очень маленький, шерстяной и злобный. За кочкой сидит и по-немецки говорит. Если в следующий раз машину не подготовишь, я лично его поймаю и тебе за шиворот суну.

Караган снова промолчал. Ломаем привычные взгляды, товарищ капитан? Караган опять кого-то высматривал, морщил лоб и да-

же принюхивался. Интуиция у «бывшего интеллигентного человека» работала через раз, впрочем, как и у всех.

Кольцов тоже вытянул шею, прищурился. Яркий свет резал глаза. Местность открытая, до ближайшего лесного массива метров триста. На опушке — густой ковер из клевера с вкраплениями медуницы. Поваленные бурей осины, подлесок, похожий на можжевельник. Что его насторожило?

Грузовик с солдатами и командирская «эмка» ушли вперед, лейтенант Левицкий прерывисто выжимал газ, сокращая дистанцию.

Внезапно последовал сигнал по колонне: «Всем остановиться!»

Водитель «эмки» высунул в окно руку, сделал круговое движение. Машина встала, закрипел тормозами грузовик. Левицкий плавно выжал педаль — «газик» послушно выполнил команду.

— Что там? — спросил Караган.

— Да просто остановка, — отозвался Кольцов.

— Мальчики — налево, девочки — направо, — хихикнул Левицкий.

Автоматчики высадились из полуторки, разбежались по высокой траве. Выкрикивал команды молодой начальник охраны в звании старшего лейтенанта. Вышел водитель «эмки»,

сунул папиросу в зубы. Выбрался отглаженный, как на парад, майор Петров, машинально провел пальцем по крылу машины, проверяя наличие пыли. Вынул из кармана платок, вытер руку. О чистоплюйстве майора Петрова, ненавидящего микробы больше, чем фашистскую Германию, ходили анекдоты.

С заднего сиденья вылез генерал-майор Серов в полевом обмундировании, пристроил на капоте планшет и поманил Кольцова. Майор одернул гимнастерку и зашагал к начальнику.

Серов смотрел исподлобья. Генерал был молод, сорок четыре года, ростом выше среднего, спортивно сложен. Всегда гладко выбрит. В движениях чувствовалась некоторая замедленность. Месяц назад ему в плечо попал осколок мины, от госпитализации генерал отказался — провел в лазарете два дня и вернулся в строй. Рука болела, особенно от резких движений. Знакомый офицер рассказывал: пару дней назад генерал в гневе треснул кулаком по столу и рухнул как подкошенный — подвела забывчивость! Хорошо, нашатырь нашли быстро.

— Вы из отдела контрразведки? — уточнил Серов.

— Так точно, товарищ генерал-майор, — ответил Кольцов. — Начальник третьего опе-

ративного отдела майор Кольцов Павел Игоревич. Вы дали согласие вас сопровождать.

— Помню, — кивнул генерал. — Девичьей памятью не страдаю. Ваш командир полковник Шаманский хорошо отзывается о вашем отделе. Взгляните на карту, Павел Игоревич.

Он расстелил на капоте полевую карту, испещренную пометками, обвел карандашом круг. Масштаб был сравнительно крупный, городок Старополоцк выглядел не просто точкой — просматривались улицы, объездная дорога с юга на Шмарино. Справа в нескольких верстах значилась зеленая котловина, так называемое урочище Галущаны, где почти не ступала нога человека — фактически чаща, окруженная скалами. Окрестные леса, проселочные дороги. Редкие деревни, как правило, заброшенные. На западе прерывистая линия фронта. Замаскированные позиции артиллерийского полка даже на карте представлялись условно; севернее, в густых лесах — 4-я мехбригада полковника Радановского. Между ними — «белое пятно» — обширный лесисто-болотистый участок, вдающийся в территорию противника.

Генерал обозначил сектор окружности западнее этого выступа.

— Вот смотрите, майор, по данным разведки, в этот квадрат немцы стянули два тан-

ковых полка и несколько батальонов пехоты. Войска расквартированы в деревнях и полевых палаточных лагерях. Согласитесь, это неспроста. Не так уж много резервов у немецкого командования, чтобы затыкать ими столь сомнительные дыры. Такое ощущение, что на этом направлении собирается бронированный кулак.

— Маловат кулак для наступления, товарищ генерал, — заметил Кольцов.

— Зато подходящий для локального прорыва, — возразил Серов. — С какой целью это делается, мы не знаем.

— Но здесь им не пройти, товарищ генерал. Участок болотистый, дорог нет. Даже пехота увязнет. Другое дело — вот здесь, — майор показал пальцем севернее, — дорога вдоль опушки, мимо деревни Гаевка. Или южнее — мимо бывшего совхоза Ключниково. По этим дорогам они и уходили, когда отступали. Рискну заметить, что ваши разведданные устарели: упомянутые вами подразделения скрытно выдвигаются именно к этим рубежам. Есть смысл выслать новые группы для рекогносцировки местности.

Генерал поморщился.

— Этим данным трое суток. Возможно, вы правы. Но разведка работает не только у нас. Мы можем бесконечно водить немцев за нос,

готовя их к мысли, что наступление будет где угодно, только не здесь, но они не дураки. Уверенности у них нет, но подозрения быть обязаны. Это может быть реакцией на наши скрытные приготовления.

— Но к наступлению готовится не только наш корпус, товарищ генерал. Соседние соединения заняты тем же. Однако немцы стягивают резервы именно сюда. Возможен тактический маневр или что-то другое. Для наступления этих сил явно недостаточно. Ну, вклинятся они на два-три километра между 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским фронтами, а что дальше? Для захода в тыл им не хватит резервов. Показать, что они еще чего-то стоят? Глупо, не до этого им сейчас. Отвлекающий маневр? Вполне возможно. Но чтобы сделать такой вывод, нужно знать обстановку на остальных участках фронта. Зачем он нужен немцам? В конце концов, если мы занимаемся дезинформацией, что мешает противнику заняться тем же?

Генерал задумчиво разглядывал карту. Две недели назад части механизированного корпуса выбили немцев из района, заняли Старополоцк, продвинулись к западу на восемь верст и встали, ликвидировав опасный выступ. Южные и северные соседи остались на месте.

— В вашем ведомстве, майор, есть зафронт-овой отдел — агенты действуют на территории врага. Есть от них донесения?

— К сожалению, товарищ генерал-майор, работа еще не налажена. Мы недавно в этом районе, люди не успели обосноваться. Есть мнение, что закордонные отделы скоро сформируют. Если наступательные операции пойдут активнее, обстановка станет меняться постоянно, и они просто не будут успевать закрепиться. Работу придется перестраивать — в новых условиях это необходимо. А получение агентурных данных с немецкой территории станет прерогативой внешней разведки. Наше ведомство переключается на работу в тылу. Чем хуже ситуация у немцев, тем активнее они отправляют в наш тыл диверсантов. И это не считая уже обосновавшейся ранее агентуры...

— Насколько помню, пару дней назад была попытка проникновения на нашу территорию?

— Так точно, товарищ генерал-майор. Трое суток тому назад. И прошли они примерно здесь, где мы сейчас находимся. — Павел очертил на карте предполагаемый участок. — Через болота есть тропы, ими и пользуется противник. Возможно, привлекает для этого местных жителей. Их было восемь человек,

шли в гражданской одежде, их накрыли вот здесь, когда они преодолели четыре километра. О засылке группы сообщил перебежчик. Это могла быть дезинформация, но меры мы приняли. Мы задействовали подразделение НКВД по охране тыла действующей армии, перекрыли проселочные дороги и атаковали диверсантов, когда они остановились на привал. Сдаваться немцы не захотели, отстреливались до последнего, тяжело ранили двух наших бойцов. Последний диверсант покончил с собой. У них нашли отлично выполненные советские паспорта и другие документы на разные случаи жизни.

— Получается, прошли они где-то здесь... — генерал посмотрел на западный лес.

— Это только версия, товарищ генерал-майор. Участок обширный, тропы через болота пока не выявлены. У нас не хватает людей, чтобы обрабатывать все направления.

Генерал погрузился в задумчивость.

Серов был любопытной фигурой. Он успешно воевал под Сталинградом, командуя механизированной бригадой, блестяще выполнял боевые задачи на Курском выступе. Волевой, решительный, одаренный, умеющий нестандартно мыслить и предпочитающий все видеть сам, нежели узнавать по «испорченному телефону». Он никогда бездумно не посылал

солдат на смерть, каждую операцию тщательно продумывал. Впереди пехоты ставил бронетехнику, активно применял всю имеющуюся артиллерию, авиацию, предпочитал фланговые охваты и прорывы в глубокий тыл.

В войсках генерала Серова любили. Немцы неоднократно назначали награду за его голову. Но не только на той стороне он имел недоброжелателей. В 1939 году Михаил Константинович, тогда еще полковник, командир бригады в Приволжском военном округе, участник боев на озере Хасан, был снят с должности, лишен звания, наград и арестован. Обвинение было обычным для того времени: шпионаж, измена Родине и подготовка террористических актов. Полгода по тюрьмам и СИЗО, перевод во внутреннюю тюрьму НКВД, ежедневные допросы, пытки, избияния. Генерал никого не сдал и не подписал признания — лишь упорно твердил, доводя следователей до бешенства: «Я ни в чем не виноват, это ошибка».

В 1940-м его выпустили по личному распоряжению наркома Берии. Ходили слухи, что, ознакомившись с масштабами репрессий в Красной армии, Лаврентий Павлович схватился за голову: «Ребята, вы слишком переусердствовали! А если завтра война? Кто воевать будет? Порубили всю Красную армию!

Недобитым буржуям, белокитайцам и японским милитаристам такое счастье и не снилось!»

Дело закрыли в связи с отсутствием состава преступления. Семью вернули из лагеря, соединили с кормильцем, отправили на Кавказ восстанавливать пошатнувшееся здоровье. А потом Серову дали новое назначение, теперь уже в Краснознаменный Киевский округ.

— Хорошо, товарищ майор, благодарю за ценные сведения, — генерал свернул карту. — Садитесь в машину, едем дальше.

Дальше дорога петляла по равнине, леса отступили. Набежало облачко, закрыло солнце — впрочем, ненадолго.

— Все спокойно, товарищ майор, — покоился на командира Левицкий, — под разнос не попали?

— А надо было? — не понял Кольцов.

— Так это самое... — лейтенант смутился, — перестарались же в последнем бою, когда диверсантов ловили, ни одного «языка» — а ведь они многое могли рассказать...

— Эта история не дает тебе покоя? — Кольцов всмотрелся в смущенное лицо подчиненного. — А кто перестарался-то? С бойцов надо спрашивать, это они усердие проявили, когда под обстрел попали. Мы пришли, а там уже

шаром покати — вся диверсионная группа на том свете.

— Энтропия, туда ее... — вздохнул на заднем сиденье Караган.

— Чего? — не понял Левицкий.

— Энтропия, говорю, — повторил тот, — чем меньше система подчинена порядку, тем выше энтропия. Хаос и сумбур, иначе говоря. Второе начало термодинамики.

— Товарищ майор, чего он умничает? — протянул Левицкий. — Неужто русских слов не хватает? Я даже знаю парочку: бардак, несогласованность действий. А он тут со вторым началом... Да хоть с третьим пришествием!

— А что, второе было? — не понял Караган. — Ты сейчас о чем, Леонид? О персонаже по имени Христос, который принял смерть за грехи человечества, а потом чудесным образом вернулся на Землю? Первый раз это точно было, очевидцы не дадут сокрушить, а вот второй...

— Вот опять он умничает, товарищ майор, — крикнул Левицкий.

— Ладно, заткнулись, — бросил Кольцов. — И тебя это касается, — он покосился через плечо на Карагана, — тоже мне — великий богослов...

— Вы знаете, товарищ майор, что с генералом Серовым в 39-м приключилось? — уси-

лий удержать рот на замке Карагану хватило на минуту. Этот ушлый субъект всегда знал то, что знать не следовало. — Обвинение в антисоветской, антипартийной деятельности, арест, уголовное дело. А если исходить из того, что наши органы никого необоснованно не репрессируют... — капитан сделал выразительную паузу. — Удивляюсь, что его отпустили, вернули партбилет, должность, доброе имя — ну, и так далее.

— Органы ошиблись, — объяснил Кольцов. — Повелись на ложный донос. Но во всем разобрались, отпустили ввиду отсутствия состава преступления. А в чем дело, Леонид, — Кольцов резко повернулся, — ты что, не доверяешь нашему генералу? Неплохо замаскировался, да? За три года ни одной военной неудачи, гонит немцев отовсюду, его имя связано только с победами...

Караган не смутился: смотрел майору прямо в глаза, только стекла очков загадочно поблескивали.

— Ну, может, оступился разок? — миролюбиво заметил Левицкий.

Взрыв прогремел под колесами головного грузовика! Сработал фугас, заложенный на дороге! От грохота заложило уши. Машина подпрыгнула, из развалившегося кузова посыпались люди. Кабину развернуло, она рухнула

посреди дороги. Орали раздавленные, брызгла кровь. Многих солдат поразило осколками, а тех, кому посчастливилось выжить, крепко контузило. Тут же из леса разразился плотный огонь из стрелкового оружия.

— Левицкий, стой! — заорал Кольцов. Но машину несло — колонна разогналась на ровном участке.

Водитель генеральской машины, видимо, уже был убит. «Эмка» врезалась в искалеченный грузовик, развернулась поперек дороги. «ГАЗ» контрразведчиков протаранил «эмку», смял ей задний бампер. Спрашивать с Левицкого было поздно. Он уронил голову на руль, из пробитого черепа выплескивалась кровь.

— Командир, уходим! — взвыл Караган. — На обочину!

Кольцов вцепился в автомат, зажатый между ног. И вдруг заметил, как из высокой травы как будто махнули рукой. В следующую секунду в воздухе мелькнула длинная рукоятка немецкой «колотушки». Павел вывалился на правую обочину, покатился в канаву. Мир вертелся, ныло ушибленное плечо. Приклад автомата больно ударил по лбу. Граната взорвалась под задними колесами. Сползло с подножки тело капитана Карагана.

Взрывная волна ударила по мозгам. Сознания Кольцов не терял, но туловище слов-

но одревенело. Небо стало стремительно приближаться, в нем вспыхнули яркие бусинки — они искрились, переливались, появляясь и исчезая. Так вот оно какое — небо в алмазах...

Вторая граната взорвалась в противоположном кювете. Она словно толкнула майора — нашел время предаваться мечтаниям! Стрельба не утихала.

Кольцов кинулся к Карагану, тряхнул его — бесполезно. Все вокруг плавало в дыму — пули пробили капот, раскурочили двигатель. В клубах дыма было видно, как от леса отделяются фигурки в пятнистых комбинезонах, смещаются к дороге. Поднялись те, что лежали в траве, перебежали. Павел видел сосредоточенные лица под обтянутыми сеткой касками.

Трещали «ППШ» — выжили несколько солдат охраны, они рассыпались по обочине, залегли за горящими машинами, беспорядочно отстреливаясь. Большинство из них было контужено, дезориентировано.

Раскинул руки мертвый старлей — грудь прошила автоматная очередь.

Ноги заплетались — Кольцов схватился за вздыбленный капот, вскинул автомат, дал очередь в сторону леса — там продолжали мелькать силуэты диверсантов.

Командирская «эмка» представляла собой жалкое зрелище. Крышка капота переломилась, из черного моторного нутра валил зловонный дым. Машина накренилась при ударе в грузовик. Разнесло лобовое стекло, вывалился мертвый водитель. Макушка всмятку, сгустки крови в волосах.

Майор Петров, начальник топографического отдела, застыл с откинутой головой. Пуля поразила его в левый висок, кровь залила нарядный китель.

На заднем сиденье кто-то ворочался, крихтел. Генерал был жив! Павел попытался распахнуть заднюю дверцу — ее заклинило, пришлось рвать, и от этих усилий он вернулся в чувство. Генерал хрипел и кашлял, застряла нога под передним сиденьем, Серов пытался ее освободить. Это удалось, но подвернулась больная рука, он застонал от ослепительной боли. Не до нежностей! Кольцов схватил его за шиворот, поволок из машины. Генерал пыхтел, лицо превратилось в бескровную маску.

— Майор, не надо, я сам... Живой пока еще...

Пули стучали по машине, гнули железо. Павел не мог стоять и ждать, пока Серов «сам»! Секунды решали все! Он схватил генерала под мышки, вытянул наружу, поволок

в канаву. Упали одновременно, поперхнувшись пылью.

— Что за бардак? — хрипел, закатывая глаза, комкор. Он потерял фуражку, вздыбились волосы. Пальцы искали кобуру, пытались растегнуть застёжку.

— Лежите, товарищ генерал-майор, не вставайте...

Павел на коленях вылез из канавы, схватился за горячее железо, чтобы не упасть. Творилось что-то немыслимое. Накал стрельбы не стихал. Перебегали пятнистые комбинезоны. Это точно были бойцы диверсионного подразделения, хорошо обученные бывалые вояки. Удобная униформа, оружие, ранцы. Не ясно, в каком количестве, но — много. Немцы появлялись то здесь, то там, особо не спешили, береглись.

Красноармейцы отстреливались. Их осталось всего человек пять, они держались из последних сил.

— Товарищ майор, уводите генерала, мы прикроем! — высунулась из-за обломков кузова голова одного из бойцов. — Быстрее уводите, патроны кончаются!

Самостоятельно идти генерал не мог, старые раны не давали покоя. Он извлек, наконец, пистолет из кобуры, норовил подняться, возглавить оборону. Рука висела плетью, еще

и нога подозрительно выворачивалась — повредил, вылезая из машины. Кольцов снова повалил его на землю. И вовремя — рой пуль пропел над головами.

— Товарищ генерал-майор, отходим! Не нужны вы здесь, вы в другом месте нужны! К лесу! Да пригибайтесь же, черт возьми!

Серов тарасился на майора воспаленными глазами. Потом к нему вернулась способность соображать, он пошел, прихрамывая. До восточного леса метров семьдесят — невозможная бесконечность! Почему так медленно? Кольцов брел за генералом, прикрывая его со спины. Ноги путались в траве, цеплялись за корни.

— Пригнитесь!

Для кого он надрывал глотку? Генерал, тяжело дыша, остановился, стал стрелять из пистолета. Ну, какой из него стрелок! Павел с ревом повалил его, прижал к земле. Генерал сначала сопротивлялся, потом обмяк.

— Ползите... — умолял Кольцов. — ползите, не останавливайтесь... Если идти, то только на четвереньках.

Павел стрелял короткими очередями. Обернулся — генерал преодолел метров двадцать, полз дальше.

Машины чадили на дороге. Диверсанты подбирались с обратной стороны, бросали

гранаты. Откатывались уцелевшие красноармейцы. Их было трое. У двух других закончились патроны, они перемахнули через канаву и побежали в лес.

Теперь майор Кольцов прикрывал отход рядовых. Он раскинул ноги в траве, выпускал из автомата по три-четыре пули. Каска оказалась над капотом «эмки». Немец спрятал голову, пули замолотили по крыше. Основная масса диверсантов скопилась за колонной, искала щели, постреливая. Подтягивались отстающие, вот один — плечистый малый в съехавшей на лоб каске. Пуля из «ППШ» сняла его. Диверсант ткнулся носом в траву. Остальные открыли кинжальный огонь. Последнему бойцу не повезло — упал ничком. Двое залегли, не добежав до майора. Один не утерпел, поднялся, пробежал несколько шагов, пока его не срезало очередью. Он задыхался, дрожал в агонии. Второго пули настигли лежачим — он закричал, потом затих.

Павел отполз, стиснув зубы. Обернулся — генерал почти достиг леса. Вот он приподнялся, показав широкую спину, оттолкнулся здоровой ногой и повалился за куст. Пули тут же срезали ветки кустарника.

Павел полз следом. Из леса стрелял пистолет — генерал дорвался! И даже попал в кого-то — в стане противника возникло замеша-

тельство. Павел задыхался, извивался ужом. Пули свистели где-то рядом, ковыряли землю. Это была какая-то лотерея, где ни умение, ни сноровка не имели значения! Смерть — везде, он чувствовал затылком ее ледяное дыхание...

Последние три метра он отмерил бегом — лопнуло терпение. Павел упал в какую-то яму, вцепился в когтистый ствол осины, поранил ладонь. Оттолкнувшись всеми конечностями, выполз на косогор.

Генерал корчился за деревом. В лице — ни кровинки. Он стрелял из «ТТ», теперь кончились патроны. Серов привалился к дереву, дотянулся до кобуры, стал вытаскивать запасную обойму. Павел произвел несколько очередей. Тоже кончились патроны! Он достал пистолет из кобуры.

— Майор, вы как? — просипел Серов.

— Я в порядке, товарищ генерал-майор. А вы?

— Лучше не бывает, — генерал хрипло засмеялся. — Вот так подловили нас, сволочи... Больше никого не осталось?

— Только мы.

— Плохо, майор, просто так теряем людей... Откуда взялись эти немцы?

— Из леса, товарищ генерал-майор. По болотам прошли, мы не можем заткнуть все дыры... Бежать сможете?

— А ты прикажи — куда я денусь... — генерал попытался принять удобную позу, — что у нас за лесом, не помнишь?

— Должна быть заброшенная деревня. Пока с трудом ориентируюсь...

— Жлобинка... — подсказал Серов, нажимая на спусковой крючок. — Ты прав, была такая на карте... От населения там шиш остался... — внезапно генерал засмеялся, отрывисто, с кашлем, — куда пойдём?

— Пока не знаю, товарищ генерал-майор, — ответил Кольцов. — но я должен вас вытащить.

Немцы теперь прятались в придорожной канаве. Они потеряли несколько человек, но это их не смущало. Генерал с майором отстреливались, очень скоро их укрытие обнаружили и буквально залили свинцом.

Серов сполз по стволу, извлек обойму из пистолета, убедился, что она пустая. У Павла осталось еще несколько патронов. Он выжидал.

Немцы долго переглядывались друг с другом, потом двое из них поднялись. Прогредел пистолетный выстрел. Дылда в камуфляже уронил автомат, сморщился и рухнул плашмя. Офицер выкрикнул команду — двое подались во фланг — поползли по траве, только дрожащие стебли мятлика обозначили их путь. Остальные опять открыли огонь.

Павел стал переползать за соседнее дерево.

— Товарищ генерал, уходите в лес, я прикрою...

— Уверен, майор? — Серов был настроен решительно.

— Уходите, мне моральная поддержка не требуется. Еще минута — и нас обойдут...

Кольцов посмотрел через плечо — генерал двинулся в заросли, неуклюже подволакивал ногу.

Павел приподнялся. Немцы все ползли, теперь они не решались вставать в полный рост. Махнул «Парабеллумом» офицер — от коптящего грузовика отделились еще трое, нырнули в траву. Теперь вся группа находилась между лесом и дорогой. Позади них лежали мертвые красноармейцы, чадила искореженная техника.

Павел пытался пересчитать немцев. Меньше двух десятков, это точно. Человек четырнадцать-пятнадцать — все злые, бывалые, прекрасно знающие, что они тут делают. Кстати, что они тут делают? Случайная встреча с генералом Серовым, инспектирующим позиции... или у них все шло по плану?

Размышлять не было времени. Майор выжидал, набравшись терпения. От земли холодило. Начало лета было жарким, но земля еще не прогрелась.

Вот и «первая ласточка» — один из немцев приподнялся, вытянул шею. Поколебался, подтянул под себя колено, начал подниматься. Майор затаил дыхание, прижал пистолет к дереву для упора и выстрелил дважды. Немца отбросило в траву. Павел упал, не дожидаясь свинцовых сквозняков.

Теперь в обойме точно было пусто. Немцы ожесточенно долбили по деревьям, густо летели сбитые ветки.

Павел выиграл секунд сорок. Не такая уж слабая фора... Он перекатился за кочку. Главное, не оставаться на месте. Сначала пополз на четвереньках, потом побежал, уворачиваясь от веток.

Стрельба прекратилась — даже думать не хотелось, что там происходит! Диверсанты перекликались на своем языке, звуки которого даже до войны вызывали раздражение! Они все поняли и теперь пошли вперед. Прогремела очередь — видимо, добили раненого красноармейца.

Кольцов задыхался, таранил упругий кустарник. Чаща уплотнялась, почва вздымалась волнами. Он догнал генерала, когда тот прислонился к дереву, выплевывал с кашлем сгустки мокроты.

— Пошли, товарищ генерал-майор, пошли... — майор хватал его за рукав, — потом

перекуривать будем... Представьте, что вы нормы ГТО сдаете...

Генерал шел, волоча ногу. Павел сопел в затылок — не хватало духу принимать радикальные меры — все же генерал... Деревья и кустарники медленно тащились мимо них! Патроны кончились, не было даже ножа.

Они прошли метров двести, а лес все не кончался. Может, и к лучшему... Чувство опасности гнало вперед — немеющий затылок чувствовал опасность!

Они пробились через кустарник, встали как вкопанные на краю обрывистого оврага. Глубина — за два метра, внизу камни, комья глины, ползущий по склону кустарник. Какая разница, куда он вел?

Они съехали вниз одновременно. Глина сыпалась за воротник, тело обдирали острые камни. Павел первым доехал до дна, взвыл, изогнувшись дугой. Генерал свалился рядом, тоже застонал. Представительный облик генерал Серов утратил начисто. Глина запеклась в волосах, порвалась полевая форма, погон висел на честном слове.

Кольцов поднялся, схватил Серова под мышку.

— Не могу, майор... — хрипел тот, — с ногой что-то... Уходи сам, оставь меня, выбирайся к нашим, все расскажешь...

— Отставить, товарищ генерал, вставайте... — нервный смешок едва не вырвался наружу. Бросить генерала и выйти к своим — это расстрел без суда и следствия, причем совершенно обоснованно. Вдвоем — пусть призрачный, но шанс спастись. — Михаил Константинович, вставайте, вместе пойдём. У вас только нога подвернута, какой пустяк...

— Это приказ, майор... — злился генерал.

— При всем уважении, товарищ генерал, сейчас тут я командую... А в следующий раз поменьше форсите — вам не повредит усиленная охрана, раз такое дело... Уходим туда, через падь, — Павел махнул рукой, — глядишь, кривая и выведет...

Сознание уже мутилось. Но они не сдавались. У генерала разъезжались ноги, приходилось его поддерживать. Кольцов то и дело вскидывал голову, слушал. Немцы вот-вот доберутся до оврага. Пусть устали, но они в хорошей форме — догонят. И это не учитывая тех, что заходили с фланга...

Они спешили, пока имелась фора, лезли через препятствия, рвали стелющиеся по земле ветки. Крутые склоны висели над головой, корни деревьев пробивались сквозь глинозем.

Лощина петляла. В какой-то миг обострились зрение и слух. Прямо над обрывом нависла шапка зелени. В склоне образовалось